

*Крюкова О.С.**

СИМВОЛИКА ВОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА[©]

Аннотация. Творческое наследие Лермонтова включает гидротекст, явленный как в природно-географической конкретике, так и в виде природного хаоса. Вода в произведениях Лермонтова представлена в ее природном многообразии. Образы воды в творчестве Лермонтова становятся также основой для различных тропов. Символика воды связана с представлениями об абсолютной и безграничной свободе, с быстротечностью времени, с рождением, жизнью и смертью человека, т.е. привносит в художественный текст экзистенциальное начало.

Ключевые слова: символ; символика; творчество Лермонтова; гидропоэтика; гидротекст.

Поступила: 10.02.2023

Принята к печати: 05.03.2023

* *Крюкова Ольга Сергеевна* – доктор филологических наук, заведующая кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: florin2002@yandex.ru

Kryukova Olga Sergeevna – DSc in Philology, Head of the Department of Verbal Arts, Faculty of Arts of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: florin2002@yandex.ru

© Крюкова О.С., 2023

Kryukova O.S.

The symbolism of water in creativity of M.Y. Lermontov

Abstract. Lermontov's creative heritage includes hydrotext, manifested both in natural and geographical specifics and in the form of natural chaos. Water in Lermontov's works is represented in its natural diversity. The images of water in Lermontov's work also become the basis for various tropes. The symbolism of water is connected with the ideas of absolute and boundless freedom, with the transience of time, with the birth, life and death of a person, i.e. it brings an existential beginning to the artistic text.

Keywords: symbol, symbolism, Lermontov's creativity, hydroponics, hydrotext.

Received: 10.02.2023

Accepted: 05.03.2023

Для цитирования: Крюкова О.С. Символика воды в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вестник культурологии. – 2023. – № 2(105). – С. 121–131. DOI: 10.31249/hoc/2023.02.07

Введение

Вода и водная стихия занимает особое место в ряду других природных образов в отечественной и мировой культуре, являясь отражением авторского и национального сознания в форме «образа, символа, концепта, знака, связанных с водой мотивов» [Полтавец, Смирнова, Райкова, 2022, с. 15]. Творческое наследие Лермонтова-романтика не является в этом смысле исключением. К маркерам гидротекста в творчестве Лермонтова относятся упоминания реки, озера, моря, океана, ключа (родника), минерального источника, ручья, волны, (горного) потока, пруда, пучины, фонтана, воды (вод), водопада, пены, причем из рукотворных источников представлен лишь фонтан и минеральные источники, благоустроенные для лечения; а также таких природных явлений, как роса, дождь, гроза, буря. Вода, таким образом, здесь явлена практически во всем богатстве ее природного многообразия.

Водные образы как основа тропов и стилистических фигур

Водные образы часто используются поэтом в составе развернутых сравнений и метафор и других средств художественной выразительности. Так, в поэме «Ангел смерти» образ волны становится основой для отрицательного сравнения, и этот водный мотив в составе сравнения продолжает ручей, отражающий «склонившийся цветок» [Лермонтов, 1958, т. 2, с. 222]. В этой поэме волна определяется как «беспокойная» (эпитет), а также наделяется человеческими склонностями, входя в состав олицетворения:

*И беспокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утес, белея, обнимает.*

[Лермонтов, 1958, т. 2, с. 218]

В поэме «Последний сын вольности» развернутое сравнение, рисующее бурное начало роковой схватки, основано на образах воды: решительность воина уподобляется характеру водной стихии:

*На князя кинулся Вадим;
Так над пучиной бурных вод
На легкий челн бежит волна –
И сразу лодку разобьет
Или сама раздроблена.*

[Лермонтов, 1958, т. 2, с. 200]

В поэме «Корсар» образ «широких» морей является частью синтаксического параллелизма, сближающего упоение битвами и плавание по морским просторам: «Желал я быть в боях жестоких, / Желал я плыть в морях широких» [Лермонтов, 1958, т. 2, с. 148].

В стихотворении «Венеция» приводятся два куплета баркаролы, где переменчивость водной стихии сравнивается с непостоянством в любви. Сопоставление страсти и природного источника становится основой для развернутой метафоры в стихотворении «Поток».

В стихотворении «Нет, я не Байрон, я другой...» душа лирического героя сравнивается с океаном, скрывающим тайны и груз «надежд

разбитых» [Лермонтов, 1957, т. 1, с. 270]; примечательно, что слово 'океан' дважды употребляется в этом небольшом по объему стихотворении.

В прозе М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени», «Вадим») также нередки случаи использования символики воды и ее атрибутов в составе развернутых тропов. Помимо хрестоматийной автохарактеристики Печорина, сравнивающего себя с матросом разбойничьего брига, можно отметить сравнение Ольги с опытным пловцом, сделанное Вадимом: «...ты не слабый челнок, не способный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугают; ты рождена посреди этой стихии; ты не утонешь в ее бесконечности!...» [Лермонтов, 1958, т. 4, с. 189]. IX глава романа «Вадим» открывается лирическим отступлением, посвященным реке Суре и насыщенным тропами.

Море как символ безграничной свободы в творчестве М.Ю. Лермонтова

В соответствии с мятежным и бунтарским пафосом поэзии Лермонтова водная стихия и ее атрибуты (волна, парус, челн, ладья и др.) олицетворяют прежде всего безграничную свободу. В стихотворении «Элегия» (1830) возникает традиционно романтическая антитеза: изгнанник, изображенный на фоне абсолютно свободного моря:

*Дробись, дробись, волна ночная
И пеной орошай берега в туманной мгле.
Я здесь стою у моря на скале...*

[Лермонтов, 1957, т. 1, с. 144]

Один из наиболее ярких и в то же время хрестоматийных примеров подобного рода – образ моря в стихотворении «Парус». «В юные годы Лермонтов отдал должное поэтике моря, как символу свободы, воли, простора; волнам, ветру, – подчеркивает П.А. Лекант. – <...> В зрелые годы поэт открывает новые образные грани символа море – волны: сила их не беспредельна [Лекант, 2014, с. 200–201]. Этот вывод также подтверждается данными «Частотного словаря языка М.Ю. Лермонтова», согласно которому слово «волна» упоминается в первый период творчества 122 раза, во второй – 9 раз, в третий –

41 раз, для слова «море» соотношение следующее: 69–6–25, причем слово «море» входит в тысячу самых частотных слов языка Лермонтова [Лермонтовская энциклопедия, 1981, с. 717–774].

В ряде стихотворений Лермонтова море выступает традиционным романтическим фоном для лирического героя, но в некоторых произведениях море, помимо функции пейзажного фона, выполняет и другую роль, являясь полноценным участником или соучастником действия. В ранней романтической поэме «Моряк», которая «представляет собой монолог, исполненный восторженного преклонения перед морской стихией» [Недосекина, 1981, с. 286], герой даже не назван по имени: его характеризует сам род занятий, связанный с морем. Свобода волн, вольный воздух моря является высшей ценностью для героя этой поэмы. Безграничностью морских просторов очарован и герой поэмы Лермонтова «Корсар», который считает море своим природным союзником. Море, таким образом, привлекает не только смельчаков, но и нарушителей закона, в числе которых и «честные контрабандисты» из романа «Герой нашего времени».

Еще в одной «морской» поэме Лермонтова, «Джюлио», водная стихия играет значимую сюжетно-композиционную роль. И Неаполь, откуда родом герой, и Венеция, где разворачиваются драматические события, неразрывно связаны с морями, омывающими Италию, которые, однако, не называются, но описываются в тексте. Герой-изгнанник находит приют также у воды, но другого, северного рода:

*Осенний день тихонько угасал
На высоте гранитных шведских скал.
Туман облек поверхности озер,
Так что едва заметить мог бы взор
Бегущий белый парус рыбака.*

[Лермонтов, 1958, т. 2, с. 163]

В романе «Герой нашего времени» образ моря представлен в главе «Тамань», содержащей типично романтические морские пейзажи. Однако встреча с таинственной «Ундиной» заканчивается отнюдь не романтически для Печорина, который, как оказалось, не умел плавать. Это обстоятельство снижает не только образ байронически разочарованного героя, но и романтическое очарование моря.

Слово «океан» у Лермонтова может выступать контекстным синонимом слова «море». Так, в балладе «Воздушный корабль» действие происходит в вечности, во вневременном пространстве, поэтому в этом стихотворении не столь важно, какое именно море имеется в виду, хотя упоминание Эльбы, России и Франции конкретизирует исторические события, связанные с личностью Наполеона.

Реки, озера, родники и условные «воды» как маркеры гидротекста в творчестве М.Ю. Лермонтова

Если океан в творчестве Лермонтова явление в большей степени условное, чем конкретно-географическое, то реки (в некоторых случаях и моря) довольно часто имеют реальные соответствия: из морей упоминается Каспийское («Дары Терека») и Черное («Листок») моря; в числе рек – Арагва («Мцыри», «Демон», «Герой нашего времени»), Аргуна («Измаил-бей»), Байдара («Герой нашего времени»), Валерик («Валерик»), Гвадьяна (Гвадиана; «Испанцы»), Днепр («Песнь барда», «На темной скале над шумящим Днепром»), Валерик («Валерик»), Вилия («Литвинка»), Волга («Атаман»), Гвадалкивир («Две невольницы», «Исповедь»), Геллеспонт («Корсар»), Днепр («Песнь барда», «На темной скале над шумящим Днепром...»), Дон («Черкесы»), Дунай («Умирающий гладиатор», «Корсар»), Клязьма («Видение», «Странный человек»), Кубань («Измаил-бей»), Кура («Мцыри», «Свиданье»), Москва-река («Песня про... купца Калашникова», «Панорама Москвы»), Нева («Тамбовская казначейша», «Сказка для детей»), Нил («Спор»), Подкумок («Измаил-бей», «Герой нашего времени»), Сена («Джюлио»), Сура («Вадим»), Терек («Поэт», «Тамара», «Кавказский пленник», «Черкесы», «Черкешенка», «Джюлио», «Герой нашего времени»), Урал («Спор»), Фонтанка («Княгиня Лиговская»), Цна («Тамбовская казначейша»), Эльба («Воздушный корабль»), Рейн, Лоар и Рона («Черкесы») и др. Обращает на себя внимание, что Лермонтов упоминает реки средней полосы России, Кавказа, Европы и Африки, т.е. поэтическая география у него довольно обширна.

Наиболее драматичные события в стихотворениях и поэмах Лермонтова разворачиваются у рек Кавказа. В поэме «Измаил-бей» описанию Аргуны, ее природным качествам и непокорному характеру посвящена отдельная глава второй части. Горная река становится

пейзажным фоном для изображения мятежных натур горцев. Трагическим пафосом проникнуто стихотворение «Валерик», в основной части которого изображен кровавый бой на реке Валерик (дословно: река смерти) 11 июля 1840 г. В поэме «Кавказский пленник» Терек противопоставлен Дону, которого уже никогда не увидит погибшим казакам. Река Арагва (Арагви), которая упоминается не только в поэмах «Мцыри» и «Демон», но и в романе «Герой нашего времени», изображена на рисунке Лермонтова «Развалины на берегу Арагвы». В романе «Герой нашего времени» один из рассказчиков, Максим Максимыч, оставил своеобразную характеристику реки Байдары, притока Терека: «...посмотрите, кругом ничего не видно, только туман да снег; того гляди, что свалимся в пропасть или засядем в трущобу, а там пониже, чай Байдара так разыгралась, что и не переедешь. Уж эта мне Азия! что люди, что речки – никак нельзя положиться!» [Лермонтов, 1958, т. 4, с. 33]. Помимо не совсем точных географических познаний персонаж обнаруживает склонность олицетворять явления природы, что свидетельствует о его мифопоэтическом мышлении.

Характер и природные особенности рек описываются Лермонтовым через энергичное действие: «Где Геллеспонт седой, широкий, / Плеская волнами, шумит» [Лермонтов, 1958, т. 2, с. 147]. Река Подкумок «мчится» («Измаил-бей»), Дунай «шумит» («Умирающий гладиатор») «кипел, ревел» («Корсар»), Гвадалкивир «крутятся, бежал» («Исповедь»). Особой энергичностью в поэзии Лермонтова отмечен Терек, особенности русла, побережья и течения которого показаны в поэме «Кавказский пленник»:

*Там Терек издали кружит,
Меж скал пустынных протекает
И пеной зыбкой орошает
Высокий берег...*

[Лермонтов, 1958, т. 2, с. 124]

В поэме «Черкесы» динамичное описание Терека также дает читателю представление о природном своеобразии этой горной реки:

*Меж диких скал крутит, сверкает
Подале Терек за горой;*

*Высокий берег подмывает,
Крутяся, пеною седой.*

[Лермонтов, 1958, т. 2, с. 116].

В начале поэмы «Демон» течение Терека сравнивается с прыжками львицы. Названия некоторых рек сопровождаются также эпитетами или определениями общего языка, которые преимущественно указывают на природные качества этих рек: Волга традиционно «широкая» («Атаман»), «родная» («Сашка»), Геллеспонт – «седой, широкий», Нил – традиционно «желтый» («Спор»), Днепр – «шумящий» («На темной скале над шумящим Днестром...»), «беспокойный», «замерзающий» («Боярин Орша»), Дон – «родной» для казаков («Кавказский пленник»), Арагва – «светлая» («Демон»), Кура – «синяя» («Свидание»), Терек – «молодой» («Джюлио»).

В поэме «Последний сын вольности» важное сюжетное значение имеет Ильмень-озеро, которое называется просто Ильмень. Ильмень в этой поэме определяется как «синий» и «отуманенный», сравнивается с поверхностью стекла: «И ровен, как стекло, Ильмень». В поэме «Джюлио» находящиеся вблизи «шведских скал» озера упоминаются, но не называются.

Развернутое описание родника представлено в ранней кавказской романтической поэме Лермонтова «Аул Бастунджи»:

*Там есть родник, меж камней иссеченный,
Его питает влага облаков,
И брызжет он, журча струею пленной.*

[Лермонтов, 1958, т. 2, с. 336]

Родник принимает участие и в действии, которое разворачивается в стихотворении «Три пальмы»: его вода символизирует полнокровную жизнь. Родник у Лермонтова может именоваться ключом, причем в двух стихотворениях («Поток», «Расписку просишь ты, гусар...») образ ключа становится основой тропа: развернутого сравнения («Расписку просишь ты, гусар...») и развернутой метафоры в раннем стихотворении «Поток», одной из «первых попыток представить свой внутренний мир в предметных живописно-поэтических образах» [Аринштейн, 1981, с. 438].

В некоторых случаях гидротекст маркирован словом «воды»: Лермонтов не уточняет конкретный источник этих вод (река, море, ручей и т.п.). Однако, к примеру, «венедианские воды» в поэме «Джюлио» не вводят географически образованного читателя в заблуждение. Водами во времена Лермонтова было также принято называть целебные минеральные источники, которые описываются в романе «Герой нашего времени» (Елисаветинский источник и Нарзан). В неоконченном романе «Княгиня Лиговская» упоминаются воды Ревеля.

Заключение

Вода, в широком смысле, у Лермонтова может указывать и на хтонические мотивы. Так, в стихотворной повести «Преступник» река становится могилой для человека, отверженного обществом: «Промчались дни. На дно речное / Один товарищ мой нырнул» [Лермонтов, 1958, т. 2, с. 157]. В «Балладе» («Над морем красавица-дева сидит...») смерть в воде находит влюбленный юноша, выполняющий жестокую прихоть героини. В стихотворении «Св. Елена» о Наполеоне говорится так: «Сын моря, средь морей твоя могила!» [Лермонтов, 1957, т. 1, с. 186]. Необычность места упокоения, связывая момент рождения с моментом смерти, соответствует романтическому масштабу личности Наполеона. В романе «Герой нашего времени» Бэла похоронена «за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела» [Лермонтов, 1958, т. 4, с. 44].

Течение воды в философском и мифологическом плане может пониматься как течение времени, его быстротечность. В драме «Станный человек» на это качество воды указывает один из персонажей: «Магомет сказал, что он опустил голову и вынул, и в это время четырнадцатью годами состарился; так и ты в короткое время ужасно переменялся» [Лермонтов, 1958, т. 3, с. 305–306].

Источник жизни, вода в поэзии Лермонтова может служить одной из высших витальных ценностей. В поэме «Аул Бастунджи» отсутствие живоносного источника в зной служит страшным проклятием: «Да упадет проклятие людей / На жизнь Селима. Пусть в степи палящей / От глаз его сокроется ручей» [Лермонтов, 1958, т. 2, с. 341].

Однако у Лермонтова есть герои, которые не воспринимают воду как ценность. Так, в драме «Маскарад» герой подразумевает под водой жидкость, которая быстро и бесследно исчезает: «Что слезы женские? Вода!» [Лермонтов, 1958, т. 3, с. 99]. Пренебрежительное отношение героя к женским слезам распространяется и на воду, которая, в данном контексте, понимается им как недолговечная, эфемерная субстанция, лишенная практической ценности.

Таким образом, гидротекст широко представлен в поэтическом наследии Лермонтова, будучи явленным как в природно-географической конкретике, так и в виде природного хаоса. Образы воды становятся также основой для различных тропов. Символика воды связана и с аксиологической оптикой, и с представлениями об абсолютной и безграничной свободе, с быстротечностью времени, с рождением и смертью человека, т.е. привносит в художественный текст экзистенциальное начало, которое органично вписывается в русло философичности, характеризующейся «символически расширенным горизонтом» [Роднянская, 1981, с. 503] поэзии Лермонтова.

Список литературы

Аринштейн Л.М. «Поток» // Лермонтовская энциклопедия. – Москва : Изд-во Советская энциклопедия, 1981. – С. 438.

Лекант П.А. Метафора и символ в поэтическом языке М.Ю. Лермонтова // Уральский филологический вестник. Серия Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. – 2014. – № 1. – С. 198–204.

Лермонтов М.Ю. Собр. соч. : в 4 т. – Москва : Гос. изд-во художественной литературы, 1957–1958. – Т. 1. – 426 с. ; Т. 2. – 528 с. ; Т. 3. – 504 с. ; Т. 4. – 596 с.

Лермонтовская энциклопедия. – Москва : Изд-во Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.

Недосекина Т.А. «Моряк» // Лермонтовская энциклопедия. – Москва : Изд-во Советская энциклопедия, 1981. – С. 286.

Роднянская И.Б. Символ // Лермонтовская энциклопедия. – Москва : Изд-во Советская энциклопедия, 1981. – С. 503.

Полтавец Е.Ю., Смирнова А.И., Райкова И.Н. «И божественное слово смиряет и приручает воды»: водный символизм в русской словесности и мировой культуре // Символика воды в русской словесности и мировой культуре : коллективная монография / отв. ред. А.И. Смирнова. – Москва : Книгодел : МГПУ, 2022. – С. 5–31.

References

- Arinshtejn, L.M. «Potok» [Stream] // *Lermontovskaja jenciklopedija* [The Lermontov Encyclopedia]. Moscow, Izd-vo Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1981, pp. 438. (In Russ.)
- Lekant, P.A. Metafora i simbol v pojeticheskom jazyke M. Ju. Lermontova [Metaphor and symbol in the poetic language of M.Y. Lermontov]. In *Ural'skij filologičeskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*, no. 1, 2014, pp. 198–204. (In Russ.)
- Lermontov, M. Ju. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collection of works in 4 volumes]. Moscow, Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury Publ., 1957–1958. Vol. 1. 426 c.; vol. 2. 528 c.; vol. 3. 504 c.; vol. 4. 596 c. (In Russ.)
- Lermontovskaja jenciklopedija* [Lermontov Encyclopedia]. Moscow, Izd-vo Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1981. 784 p. (In Russ.)
- Nedosekina, T.A. «Morjak» [The Sailor]. In *Lermontovskaja jenciklopedija*. [Lermontov Encyclopedia]. Moscow, Izd-vo Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1981, pp. 286. (In Russ.)
- Rodnjanskaja, I.B. Simvol [Symbol]. In *Lermontovskaja jenciklopedija* [Lermontov Encyclopedia]. Moscow, Izd-vo Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1981, pp. 503. (In Russ.)
- Poltavec, E. Ju., Smirnova, A.I., Rajkova, I.N. «I bozhestvennoe slovo smirjaet i priručaet vody»: vodnyj simbolizm v russkoj slovesnosti i mirovoj kul'ture [“And the Divine Word humbles and tames the waters”: water symbolism in Russian Literature and world culture]. In *Simvolika vody v russkoj slovesnosti i mirovoj kul'ture: Kollektivnaja monografi-ja* / Otv. Red. A.I. Smirnova [The symbolism of water in Russian literature and world culture: Collective monograph]. A.I. Smirnova responsible ed. Moscow, Knigodel, MGPU Publ., 2022, pp. 5–31. (In Russ.)